

вается на ложном понимании историзма: как было раньше, так должно быть и сейчас.

3. Основной ошибкой Трубецкого является, по моему мнению, отношение языковых образований (Sprachgebilde) вслед за Соссюром только в области сознания. Звуки речи являются абстрактными ценностями; это, однако, отнюдь не означает, что они существуют только в сознании, потому что они могут быть определены и артикуляторно-акустически, подобно тому, как не существует стола вообще, хотя он должен быть выведен из разнообразия конкретных столов.

Локализация языковых образований только в сознании привела Трубецкого к его «нейтрализации» известных противопоставлений. Если мы, однако, следуем высшему закону марксизма и выводим не практику из теории, а теорию из практики, то мы можем установить, что комбинаторные изменения не всегда останавливаются на границе фонемы, что основа слова в склонении может оканчиваться на три разные фонемы: [noga], [nog'e], [nok].

В своем положении о «смешанной» фонеме Шаумян фактически продолжает теорию «нейтрализации». При последовательном развитии этого положения возникает, однако, опасность, что мы всякое фонематическое (ведущее к превращению одной фонемы в другую) комбинаторное изменение станем рассматривать, как ведущее, в конце концов, к «смешанной» фонеме; более того, в этом случае мы стали бы утверждать наличие «смешанной» фонемы там, где в действительности имеется лишь фонема и ее отпадение: например, во французском *il vient* «он приходит» и *vient-il?* «придет ли он?» слово *vient* в одном случае оканчивается на носовой гласный, в другом случае на носовой гласный +t. Здесь мы имели бы, следовательно, «смешанную» фонему t/O. Так как, однако, во французском языке многие согласные отпадают в конце слова, то оказалось бы, что нуль принадлежит ко многим «смешанным» фонемам.

Звуковая оболочка языка это то, что человек говорит и слышит. Поэтому предмет фонетики и фонологии ограничивается материальной стороной, мысли же не должны касаться фонетиста. Отсюда следует вывод, что никаких «смешанных» фонем не существует, что веларный в конце слова [kuk] является глухой фонемой, хотя этот звук и может превратиться в звонкую фонему при сочетании слов в предложении, хотя большинство падежных форм имени существительного *me* имеют звонкий веларный: в сочетании в пределах слова или предложения часто одна фонема переходит в другую, так что многие фонемы не выступают совсем в определенных позициях. Здесь не происходит никакой «нейтрализации» противопоставления, поскольку в данном случае противопоставление [g], [k] вообще отсутствует.

Заканчивая, мы хотели бы лишь повторить требование не вносить в звуковую сторону языка ничего такого, чего там нет: всякая попытка внести в фонетику и фонологию грамматические или иные мысли и критерии, лежащие вне звуков и их отношений, ведет к ошибкам.

* * *

И. А. Лукицкий также ставит вопрос о соотношении фонемы и фонологии, о том, что понимается под вариантами фонем, о звуковых типах и о «смешанных» фонемах, в связи с чем полемизирует не только с С. К. Шаумяном, но и А. И. Смирницким, мнение которого цитируем в своем месте.

Статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» по спорности высказанных автором положений, по нечеткости формулировок этих положений и многословности, запутывающей основную мысль, вызывает необходимость критически рассмотреть этот материал в соответствии с доводом редакции журнала, не пожелавшей согласиться с мнением автора статьи.